

Иерусалим встретил трех путников проливным дождем.

— Черт побери! — громко воскликнул один из них. — А я уже начал думать, что на Святой земле дождя вообще не бывает!

Это был молодой рыцарь в светлых одеждах с нашитыми на нее крестами. Из-под плаща выглядывала кольчуга. Предосторожность, надо заметить, отнюдь не лишняя. Странствие оказалось беспокойным, а местами и вовсе опасным.

— Бывает, Карл, — отозвался второй. — Иногда, случается, так ливанет, что думаешь, будто уже Потоп начался. А прольет, солнышко прогреет, и словно бы и не было ничего.

Ему тоже приходилось говорить громко, иначе за шелестом дождя не удалось бы разобрать ни слова.

Этот второй больше походил на сарацина: жилистый, загорелый, с черной бородкой клинышком, он вдобавок еще и одевался

на восточный манер, включая темно-синий платок-куфию на голове. Единственное, что позволяло принять его за европейца, — это плащ-сюрко с нашитыми на нем крестами, да и те настолько выцвели, что их не так-то просто было разглядеть. Впрочем, на самом деле мастер Тимофей, как звали этого второго, крестonosцем всё равно не был и кресты носил только на случай, чтобы какая-нибудь горячая голова действительно не приняла его за сарацина. Такое случалось.

Их третий спутник — с виду настоящий богатырь, но только сильно обедневший и потому одетый в обноски, — задрал лицо к небу, ловил ртом капли дождя. Его незрячие глаза были широко раскрыты, словно бы он наперекор всему надеялся разглядеть небеса сквозь плотную завесу туч. С легкой руки византийского лекаря богатыря прозвали Орестом. Вряд ли его на самом деле так звали, но, как заметил Карл, надо же его как-то звать.

Путешественники въехали в город через Яффские ворота, и, если бы не дождь, можно было бы смело сказать, что въехали они с первыми лучами солнца. Иерусалим просыпался. Навстречу трем путникам прошествовал пузатый монах. Он был полностью погружен в свои мысли и не замечал ни встречных, ни капель дождя, которые весело барабанили по его лысине.

Затем путники обогнали телегу, запряженную парой старых кляч. Лошадки еле переставляли ноги. Тимофей даже поначалу решил, что телега просто стоит на улице в ожидании, пока разгрузят товар. Слева от улицы располагался рынок, и клячи аккуратно поравнялись со входом. Вход обрамляла арка из очень светлого песчаника.

На самом рынке кого-то с азартом ловили и, если бы поймали, мало бы ему не показалось! В руках у ловцов было не только традиционное для подобных случаев дубьё и первые попавшиеся под руку предметы домашнего обихода, но и копыя, и даже мечи, а народу набежало просто тьма! Вся эта толпа с криками «Держи вора!» и «Ищи его!» металась по рынку, опрокидывала лотки, одновременно переругиваясь с их владельцами, и совала нос в каждый темный уголок.

На другой стороне улицы стоял и глазел на погоню водонос. Это был молодой человек, загорелый и жилистый, которого на первый взгляд можно было принять и за европейца, и за араба. В общем, для здешних земель ничем не примечательный. Его одежда была того же цвета и оттенка, как и стены вокруг, и в спешке можно было не то что не обратить на него внимания, а и вовсе не заметить. На плече водоноса висел здоровенный бурдюк. Правила строго-настрого запрещали ставить сосуды

с питьевой водой на землю, и водонос подпирал им стену дома.

Когда путники поравнялись с водоносом, Тимофей окликнул его:

— Эй! Что тут случилось?!

Он кивком указал в сторону рынка.

— Так вора ловят, господин, — неспешно отозвался водонос.

— А что он украл? — спросил Карл.

Водонос пожал плечами.

— Так рынок-то хлебный, господин рыцарь, — пояснил он. — Наверное, хлеб и украл. А может быть, деньги у какого-нибудь торгаша. Из-за куска хлеба они бы вряд ли так всполошились.

— Да, похоже на то, — Тимофей кивнул. — Причем немалые деньги.

— Так хлеб всем и всегда нужен, господин, — охотно поддержал разговор водонос. — Вот все им денежки и несут. Тут немудрено и подкупить. — И после небольшой паузы он добавил тише и ворчливее: — А я с такой непогодой останусь сегодня голодным.

На самом деле дождь уже начал стихать, но до той изнуряющей жары, когда усталый путник готов отдать золотые горы за глоток чистой воды, было, конечно, еще очень и очень далеко. Карл бросил водоносу медяк. Тот ловко поймал монету на лету и низко поклонился.

— Благодарствую, господин рыцарь! — крикнул водонос. — Да хранит вас Господь!

Карл небрежно кивнул в ответ. Водонос поправил бурдюк на плече и быстро зашагал прочь по проулку. Вместо него на главной улице появился отряд городской стражи. Тяжелые сапоги громко прошлепали по лужам. На трех путников стражники едва взглянули, а водонос и вовсе не удостоился их внимания.

— А ну, прочь с дороги! — на ходу рывкнул командир на возницу с клячами.

Тот лениво щелкнул вожжами. Лошадки начали переставлять ноги чуть поживее и оттащили телегу от входа. Командир взмахнул рукой. Воины бросились на рынок и принялись наводить порядок. Насколько мог видеть Тимофей, никого не убили, но древки их коротких копий от души прогулялись и по ребрам, и по спинам тех, кто излишне разошелся.

С меченосцами обошлись более вежливо. Командир стражников лишь потребовал от них убрать оружие. Мечи вернулись в ножны, на чем погром практически и закончился. Лишь двое буянов продолжали махать кулаками, но умиротворяющие тумачи быстро смирили и их гнев.

Едва закончились розыски вора, как тотчас начались новые. На этот раз — исключительно на словах! — искали ответ на вопрос: а кто, собственно, будет платить за нанесенный ущерб?

Выглядело так, будто разыскать этого кого-то будет посложнее, чем недавнего вора. Тимофей усмехнулся, и трое путников двинулись дальше.

Оставив торговые ряды позади, они выехали к огромному зданию, известному на весь Восток как Госпиталь. Оно служило одновременно и лечебницей, и странноприимным домом, и штаб-квартирой рыцарей-госпитальеров. Собственно, из-за него их и прозвали госпитальерами. Так-то орден именовался орденом Святого Иоанна и, соответственно, его рыцари были иоаннитами, но чтобы их так называли – Тимофей за всё время своих странствий по Святой земле слышал буквально пару раз.

При входе на страже стояли воины в черных плащах с белыми крестами, а сам Госпиталь выглядел так, словно его буквально только что брали штурмом. На конюшне двое до сих пор всюду шуровали копьями в запасах сена. Лошади в стойлах встревоженно всхрапывали. Небось опасались остаться без обеда. Судя по тому, как разошлись воины, – могли запросто. Ключья сена разлетелись по всей конюшне и плавали в луже перед открытыми воротами.

– Да нет тут его! – воскликнул один из воинов. – Был бы, давно бы нашли. Не песчинка всё ж таки!

Воин был лысый, словно камень, и голос его звучал так, будто бы он эти камни пережевывал. Его товарищ еще раз ткнул копьём в стог и согласился, что да, они тут только попусту тратят время. Тимофею подумалось, что если речь шла о человеке, то с таким усердием они действительно давно бы его уже нашли и закололи. Или наоборот. Лысый воин тяжело оперся о копьё, вытирая широким рукавом рубахи мокрое лицо.

Тимофей вежливо поинтересовался, что тут приключилось. Лысый воин окинул трех путников быстрым, но цепким взглядом, словно бы старательно запоминая каждого, после чего ответил:

— Обокрали нас, господа.

— Больше похоже, что ограбили, — заметил Карл.

Лысый воин оглянулся на разгромленный Госпиталь. По его лицу скользнула кривая усмешка.

— Да нет, господин рыцарь, это мы сами, — отозвался он. — Пока вора ловили.

— Надо же, — заметил Тимофей. — И на рынке сейчас вора искали.

— Да его повсюду ищут! — Воин в сердцах пнул сапогом клок сена. — А он как сквозь землю провалился!

Клок сена перелетел через лужу и приземлился на другом ее краю, подальше от излишне

эмоционального воителя. Тимофей вслух почувствовал их неприятностям, а Карл спросил, где он может найти магистра ордена. Лысый воин, в свою очередь, поинтересовался, а не может ли он сам чем-нибудь помочь господину рыцарю. Он как раз свободен, в отличие от господина магистра.

— Нет, — ответил Карл. — У меня важное письмо, и я должен немедленно передать его магистру лично в руки.

— Ну, лично так лично, — невозмутимо отозвался лысый воин и взревел, словно иерихонская труба: — Господин Далан!

Лошади дружно вздрогнули. Как те, что в конюшне, так и скакуны путешественников. Тимофей привычным жестом успокоил свою лошадь. Карл строго прикрикнул на своего жеребца, присовокупив к этому не менее строгий взор в адрес лысого воина. Лошадка Ореста оглянулась на седока. Он, словно почувствовав ее взгляд, пожал плечами. Лошадка тихо фыркнула и спокойно застыла на месте в ожидании более внятных указаний.

В конюшню вихрем влетел высокий рыцарь во всем черном. Одежда, плащ, сапоги, обруч на голове, который поддерживал кольчужный капюшон, даже аккуратная бородка и та была черная. Плащ и обруч украшали белые кресты. На плаще они были большие и вышиты нитями, на обруче — маленькие и металлические.

Левой рукой рыцарь придерживал висящий на поясе меч. Ножны и рукоять тоже были из черной кожи.

— Нашли?! — на лету выдохнул он.

— Нет, господин Далан, — ответил лысый воин.

— Так какого черта ты меня звал?!

— Тут господин рыцарь с письмом к господину магистру, — пояснил лысый воин, указав на Карла. — Говорит, дело спешное.

Далан хмуро глянул на Карла снизу вверх и со вздохом сказал:

— Надеюсь, господин рыцарь, ваше дело действительно срочное. Магистр сейчас сильно не в духе.

— Срочное, господин Далан, — подтвердил Карл.

Взгляд его при этом был уверенным и непреклонным. Мол, состояние духа магистра может быть каким угодно, у меня дело не к его духу, а к нему самому, и я от него не отступлюсь. Далан еще раз вздохнул и махнул рукой.

— Хорошо, идемте со мной, — сказал он.

Карл легко спрыгнул на землю. Далан недовольно оглянулся по сторонам. Лысый воин мгновенно уловил суть неудовольствия начальства и вновь взревел иерихонской трубой. Он еще не замолк, а рядом словно из воздуха уже появились двое конюхов. Тот, что постарше, придержал под уздцы лошадку Ореста, пока

Карл помогал богатырю спешиться. Тимофей сам привычно спустился на землю. Молодому конюху дела не нашлось, и он то и дело кланялся и шепотом повторял: «Милости просим, господа, милости просим».

— А вы продолжайте искать, — тем временем строго приказал Далан двум воинам.

— Да нет его здесь, господин Далан, — сказал лысый. — Был бы, мы бы его нашли.

— Ну, значит, ищите в другом месте! — раздраженно бросил в ответ Далан.

Воины дружно сказали: «Слушаюсь!» — и ушли искать в другое место. Даже направление не стали уточнять. Далан повел трех путников каменным коридором вдоль конюшни. Тимофей шагал рядом с ним. Карл вел Ореста под руку.

— Серьезная покража, господин Далан? — спросил Тимофей.

Он постарался, чтобы в его голосе прозвучало участие, а не любопытство. Или, по крайней мере, чтобы участие в нем заметно преобладало.

— Да серьезней некуда, — со вздохом отозвался Далан. — Вор в сокровищницу залез. Вам, кстати, сегодня не попадался человек с вот таким ларцом?

Активно жестикулируя, он на пальцах изобразил ларец в натуральную величину, обитый железом и украшенный изображениями птиц

с раскинутыми в стороны крыльями. Такого ни Тимофей, ни Карл припомнить не смогли. Тимофей при этом подумал, что если бы ларец такого размера набить сокровищами — драгоценными камнями, например, или золотыми монетами, — то этого хватило бы обзавестись собственным графством. А здесь, на Востоке, где жизнь человека зачастую стоила куда дешевле хорошего оружия, можно было бы нанять целую армию и, при должной удаче, завоевать себе целое королевство.

— Да, не повезло, — сказал Карл.

— Да какое там везение?! — Далан махнул рукой. — Ротозейство сплошное. Стражники этого вора еще в дверях заметили, а потом упустили. Вот как он от них с тяжеленным ларцом сумел убежать?!

Карл пожал плечами. Орест почувствовал его движение и тоже пожал плечами. Лицо его при этом было задрано вверх, где под потолком металась перепуганная птица.

— Должно быть, это был настоящий богатырь, — предположил Тимофей и тотчас уточнил: — Но это уж точно не наш Орест. Он с нами всё утро был, да и сами видите — слеп человек.

Далан оглянулся на Ореста и махнул рукой.

— Да нет, совсем не похож. Тот по виду самый обычный человек был. Я его тоже видел, правда мельком.